

Лев Николаевич Толстой

ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР ?

(1895—1896 гг.)

Статья Л.Н. Толстого "Патриотизм или мир?" была написана в ответ на несохранившееся письмо от 24 декабря н. с. 1895 г. английского журналиста Джона Мансона, в котором Мансон просил Толстого высказаться по поводу происшедшего тогда столкновения между Северо-Американскими Соединёнными Штатами и Англией из-за границ Венесуэлы.

Это типичный случай, когда правительства использовали внушённый с детства своим военным рабам (солдатам) патриотизм для совершения того, что является истинной сущностью ВСЯКОГО правительства: захвата и грабежа того, что им не принадлежит. В Венесуэле, в районе границы с Британской Гвианой, были открыты богатейшие месторождения нефти и золота... Пограничные стычки англичан с венесуэльцами в январе 1895 года обратили на себя внимание Соединённых Штатов. В июне президент Кливленд напомнил лорду Солсбери, английскому премьеру, о так называемой доктрине Монро, запрещавшей европейским державам силовые захваты территорий на американском континенте. Лорд опротестовал эту трактовку доктрины Монро. Тогда, уже в декабре 1895 г., Кливленд представил ноту Солсбери на рассмотрение американского конгресса – НО одновременно со СВОИМ посланием конгрессу, в котором настаивал, что «великая» американская «нация» прямо-таки неизбежно потеряет «национальную честь и самоуважение, под охраной которой только мыслимы народная безопасность и величие», если конгресс не ассигнует немедленно ста миллионов долларов на военную операцию.

Народ – не английский лорд. Трудовые и военные рабы Англии и Америки покорно ожидали войны... И лишь последовавшая за президентским посланием паника на английской и американской биржах и последовавшее за нею лобби со стороны заинтересованных спекулянтов заставило правительства пойти на мирное урегулирование венесуэльской «проблемы»...

***

Важно заметить, что статья была полностью написана Львом Николаевичем уже к 5 января 1896 года, но опубликована -- имея в виду её актуальность в отношении политических событий, на которые она служила откликом -- непоправимо поздно: только 17 марта 1896 года (в газете «Daily Chronicle»). Причина задержки -- стычка! Только уже не между Англией и Америкой, а между английскими издателями. Статью караулил, так сказать, «прямой заказчик», Джон Мансон. Но Лев Николаевич не переводил её на английский язык сам, а поручил это дело ближайшему и доверенному другу, замечательному Владимиру Григорьевичу Черткову. Чертков, в свою очередь, взял для этого дела напарником английского журналиста, идейно близкого к Толстому, -- писателя и ИЗДАТЕЛЯ Джона Кенворти. Ознакомившись со статьёй, Кенворти пустил от восторга слюнки и решил опубликовать статью сам, от своего имени. Разумеется, Мансон забузил, сославшись на то, что статья-таки является ответом Толстого ЕМУ. Но Мансон, в отличие от Кенворти, не был близок Льву Николаевичу идейно, и Толстой в конфликте принял сперва сторону Черткова и Кенворти. Всё же Мансон своё право первенства отстоял, но время было упущено...

Впрочем, для публицистики Л. Н. Толстого эти проволочки не катастрофичны: их главное идейное содержание не устареет, быть может, ещё ВЕКА!..

Судьба статьи в России была не легче: из-за цензурных условий первая русскоязычная публикация её состоялась за границей, в женевском издании Н.К. Элпидина, под заглавием: "Патриотизм или мир? Письмо к англичанину Л.Н. Толстого".

***

Основная идея статьи Л. Н. Толстого «Патриотизм или мир?» -- необходимость для каждого человека и человечества в целом сделать выбор: или свободное, как сейчас, отдавание себя атавистическим влечениям агрессии, стяжания, насилия и войны и рационализация этих иррациональных влечений военно-патриотическим суеверием, или -- мирная жизнь, развитие, но -- без патриотизма, вооружений и войск, без разделения на враждующие стаи, метящие и обороняющие свои государственные, родовые, племенные, хозяйственные и прочие территории. Жизнь спонтанно-чувственных полуживотных, вразумлённых Богом, но не умеющих, окромя как себе же во зло,

употребить свой разум, или – жизнь истинных сынов единого Отца-Бога, живущих в Его воле, по Его закону, единому для всех разумных существ в мироздании. (А воля Его – единение и благо всего живущего и мыслящего, исполнение всеми разумными существами закона деятельной и созидающей любви).

Надо ВЫБИРАТЬ!!!

Но современный (и Толстому, и нам) человек часто подобен избалованному ребёнку, у которого няня спрашивает: что ему хочется, идти на прогулку или дома остаться играть, и он отвечает: И идти на прогулку, И дома остаться играть!..

Ему хочется две *несовместимые* вещи:

1) ложный, внушаемый правительствами детям через обманщиков-воспитателей и обманутых ранее (выращенных в обмане) родителей, казённый военно-государственный патриотизм, паразитирующий на бессознательных, низших, атавистических, грубо-звериных, не человеческих качествах человеческой природы,

ИЛИ:

2) мир, мирная братская трудовая жизнь, даже просто -- выживание человечества...

Но люди хотят -- "того и другого!", и жить, и патриотизм...

И последствия своих слабости и невежества: неумения жить разумно, не поддаваясь атавистическим влечениям животности и не рационализируя их стереотипными самообманами, -- прикрывают внешней бравадой и агрессией, системами насилия и лжи, служащей её оправданию.

А НЕ МИНОВАТЬ-ТАКИ – ПРИДЁТСЯ ДЕЛАТЬ ВЫБОР!..

Роман Алтухов

*****

Patriotisme ou la paix, — par Tolstoï.

ПАТРИОТИЗМЪ

или

МИРЪ

ПИСЬМО КЪ АНГЛИЧАНИНУ

Л. Н. ТОЛСТОГО!

ИЗДАНИЕ

М. К. ЭЛИДИНА

CAROUGE-GENÈVE

M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR

1896.

[Текст приводится по изданию:

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт.

Том 90. С. 45 - 53].

Милостивый государь,

Вы пишете мне о том, чтобы я высказался по случаю Северо-Американских Штатов с Англией «в интересах христианской последовательности и истинного мира», и выражаете надежду, «что народы скоро проснутся к единственному средству обеспечить международный мир».

Я питаю ту же надежду. Питаю эту надежду потому, что ослепление, в котором в наше время находятся народы, восхваляющие патриотизм, воспитывающие свои молодые поколения в суеверии патриотизма и, между тем, не желающие неизбежных последствий патриотизма — войны, дошло, как мне кажется, до той последней степени, при которой достаточно самого простого, просящегося на язык каждого непредубеждённого человека, рассуждения, для того, чтобы люди увидели то вопиющее противоречие, в котором они находятся.

Часто, когда спрашиваешь у детей, что они выбирают из двух несовместимых вещей, но которых им обеих очень хочется, они отвечают: и того и другого. Что хочешь: ехать кататься или дома играть? И ехать кататься и дома играть.

Точно так же отвечают нам христианские народы на поставленный им жизнью вопрос: что они выбирают из двух: патриотизм или мир? Они отвечают: и патриотизм и мир, хотя соединить патриотизм и мир так же невозможно, как в одно и то же время ехать кататься и оставаться дома.

На днях между Северо-Американскими Штатами и Англией произошло столкновение из-за границ

Венецуэлы. Сольсбери на что-то не согласился, Кливленд написал послание в сенат,

---

с обеих сторон раздались патриотические, воинственные возгласы, на бирже произошла паника, люди потеряли миллионы фунтов и долларов, Эдиссон объявил, что он выдумает такие снаряды, которыми можно будет в час убивать больше людей, чем убил Атилла во все свои войны, и оба народа стали энергически готовиться к войне. Но оттого ли, что одновременно с этими приготовлениями к войне как в Англии, так и в Америке разные литераторы, принцы и государственные люди стали увещевать правительства обоих народов о том, чтобы они воздержались от войны, что предмет раздора недостаточно важен для того, чтобы начинать войну, в особенности между двумя родственными, говорящими на одном языке, англосаксонскими народами, которые должны не воевать между собою, а спокойно властвовать над другими. Или оттого, что об этом молились и читали проповеди в своих церквах всякого рода епископы и архидьяконы, каноники, или оттого, что та и другая сторона не считали себя еще готовыми, но случилось так, что войны на этот раз не будет. И люди успокоились.

Но ведь надо иметь слишком мало *perspicacité* (проницательности) для того, чтобы не видеть того, что причины, которые привели теперь к столкновению между Англией и Америкой, остались те же, и что если теперешнее столкновение и разрешится без войны, то

неизбежно завтра, послезавтра явятся другие столкновения между Англией и Америкой, и Англией и Германией, и Англией и Россией, и Англией и Турцией во всех возможных перемещениях, как они и возникают ежедневно, и какое-нибудь из них неизбежно приведёт к войне.

Ведь если живут рядом два вооружённые человека, которым с детства внушено, что могущество, богатство и слава суть высшие добродетели и что потому приобретать могущество, богатство и славу оружием в ущерб другим соседним владельцам есть самое похвальное дело, и если при этом над этими людьми не стоит никакого ни нравственного, ни религиозного, ни государственного ограничения, то разве не очевидно, что такие люди будут всегда воевать, что нормальное отношение их между собой будет война и что если такие люди, сцепившись, разошлись на время, то это они сделали только по французской пословице: *roug tiéux sauter*, т. е. разбежались для того, чтобы лучше прыгнуть, с большим остервенением броситься друг на друга.

Страшен эгоизм частных людей, но эгоисты частной жизни не вооружены, не считают хорошим ни готовить, ни употреблять, оружие против своих соперников; эгоизм частных людей находится под контролем и государственной власти и общественного мнения. Частного человека, который с оружием в руках отнимет у соседа корову или десятину посева, сейчас же возьмут полицейские и посадят в тюрьму. Кроме того, такого

человека осудит общественное мнение, его назовут вором и грабителем. Совсем иное с государствами: все они вооружены, власти над ними нет никакой, кроме комических попыток поймать птицу, посыпав ей соли на хвост, попыток учреждения международных конгрессов, которые, очевидно, никогда не будут приняты могущественными (для того-то и вооруженными, чтобы не слушаться никого) государствами, и главное то, что общественное мнение, которое карает всякое насилие частного человека, восхваляет, возводит в добродетель патриотизма всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего отечества.

За какое хотите время откройте газеты и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то это будет Корея, то Памиры, то Африканские земли, то Абиссиния, то Армения, то Турция, то Венецуэла, то Трансвааль. Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идёт маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться.

Если американец желает предпочтительного пред всеми другими народами величия и благоденствия Америки, и точно того же желает англичанин, и того же желает русский, и турок, и голландец, и абиссинец, и гражданин Венецуэлы и Трансвааля, и армянин, и поляк, и чех, и все они убеждены, что эти желания не только не надо скрывать и подавлять, но что этими желаниями можно гордиться и должно развивать их в себе и других, и если величие и благоденствие одной страны или народа не может быть приобретено иначе, как в ущерб другой или иногда и многих других стран и народов, то как же не быть войне. И потому для того,

чтобы не было войны, нужно не читать проповеди и молиться богу о том, чтобы был мир, не уговаривать English speaking nations [англ. нации, говорящие по-английски] быть в дружбе между собою, чтобы

властвовать над другими народами, не составлять двойственный и тройственный союзы друг против друга, не женить принцев на принцессах других народов, а нужно уничтожить то, что производит войну. Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать.

Скажите людям, что война дурно, они посмеются: кто же этого не знает? Скажите, что патриотизм дурно, и на это большинство людей согласится, но с маленькой оговоркой. — Да, дурной патриотизм дурно, но есть другой патриотизм, тот, какого мы держимся. — Но в чём этот хороший патриотизм, никто не объясняет. Если хороший патриотизм состоит в том, чтобы не быть завоевательным, как говорят многие, то ведь всякий патриотизм, если он не завоевательный, то непременно удержательный, то есть что люди хотят удержать то, что прежде было завоевано, так как нет такой страны, которая основалась бы не завоеванием, а удержать завоеванное нельзя иными средствами, как только теми же, которыми что-либо завоевывается, то есть

насилием, убийством. Если же патриотизм даже и не удержательный, то он восстановительный — патриотизм покоренных, угнетенных народов — армян, поляков, чехов, ирландцев и т. п. И этот патриотизм едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия.

Патриотизм не может быть хороший. Отчего люди не говорят, что эгоизм может быть хороший, хотя это скорее можно бы было утверждать, потому что эгоизм есть естественное чувство, с которым человек рождается, патриотизм же чувство неестественное, искусственно привитое ему.

Скажут: «Патриотизм связал людей в государства и поддерживает единство государств». Но ведь люди уже соединились в государства, дело это совершилось; зачем же теперь поддерживать исключительную преданность людей к своему государству, когда эта преданность производит страшные бедствия для всех государств и народов? Ведь тот самый патриотизм, который произвёл объединение людей в государства, теперь разрушает эти самые государства. Ведь если бы патриотизм был только один: патриотизм одних англичан, то можно бы было

его считать объединяющим или благодетельным, но когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, всё противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет. Говорить, что если патриотизм был благодетелен, соединяя людей в

государства, как это было во времена его расцвета в Греции и Риме, то от этого патриотизм и теперь, после 1800 лет христианской жизни, так же благодетелен, всё равно, что говорить, что так как пахота была полезна и благодетельна для поля перед посевом, то она так же будет благодетельна теперь, когда посев уже взошел.

Ведь хорошо бы было удерживать патриотизм в память той пользы, которую он когда-то принес людям, как хранят и удерживают люди старинные памятники храмов, гробниц и т. п. Но храмы стоят, не принося людям никакого вреда, патриотизм же не переставая производить неисчислимые бедствия.

Отчего страдают и режутся теперь и звереют армяне и турки? Отчего Англия и Россия, озабоченная каждая своей долей наследства после Турции, выжидают, а не прекращают армянские побоища? Отчего режутся абиссинцы и итальянцы? Отчего чуть не возникла страшная война из-за Венецуэлы, а теперь из-за Трансвааля? А Китайско-японская война, а Турецкая, а Германская, Французская? А озлобление покорённых народов: армян, поляков, ирландцев! А приготовления к войне всех народов? — Всё это плоды патриотизма. Моря крови пролиты из-за этого чувства и будут ещё пролиты из-за него, если люди не освободятся от этого отжившего остатка старины.

Мне несколько раз уже приходилось писать о патриотизме, о полной несовместимости его с учением не только Христа, в его идеальном смысле, но и с самыми низшими требованиями нравственности христианского общества, и всякий раз на мои доводы мне отвечали или молчанием, или высокомерным указанием на то, что высказываемые мною мысли суть утопические выражения мистицизма, анархизма и

космополитизма. Часто мысли мои повторялись в сжатой форме, и вместо возражений против них прибавлялось только то, что это не что иное, как космополитизм, как будто это слово «космополитизм» бесповоротно опровергало все мои доводы.

Люди серьёзные, старые, умные, добрые и, главное, стоящие как город на верху горы, люди, которые своим примером не-

---

вольно руководят массами, делают вид, что законность и благодетельность патриотизма до такой степени очевидна и несомненна, что не стоит отвечать на легкомысленные и безумные нападки на это священное чувство, и большинство людей, с детства обманутое и заражённое патриотизмом, принимает это высокомерное молчание за самый убедительный довод и продолжает коснеть в своём невежестве.

И потому те люди, которые по своему положению могут избавить массы от их бедствий и не делают этого, — совершают большой грех.

Самое ужасное зло в мире есть лицемерие. Недаром Христос один только раз прогневался, и это было против лицемерия фарисеев.

Но что было лицемерие фарисеев в сравнении с лицемерием нашего времени! В сравнении с нашими лицемеры-фарисеи были самые правдивые люди, и их искусство лицемерить в сравнении с искусством наших — детская игрушка. И оно не может быть иначе. Вся наша жизнь с исповеданием христианства, учения

смирения и любви, соединенная с жизнью вооруженного разбойничьего стана, не может быть ни чем иным, как сплошным, ужасным лицемерием. Оно очень удобно — исповедывать такое учение, в котором: на одном конце христианская святость и потому непогрешимость, а другом — языческий меч и виселица, так что, когда можно импонировать и обманывать святостью, пускается в ход святость, когда же обман не удаётся, пускается в ход меч и виселица. Такое учение очень удобно, но приходит время, когда эта паутина лжи расплзается и нельзя уже продолжать держаться того и другого и необходимо примкнуть к тому или другому. Это самое теперь наступает по отношению к учению о патриотизме.

Хотят или не хотят этого люди, вопрос ясно стоит перед человечеством: *каким образом может тот патриотизм, от которого происходят неисчислимы как физические, так и нравственные страдания людей, — быть нужным и быть добродетелью?* И ответить на этот вопрос необходимо. Необходимо или показать, что патриотизм есть такое великое благо, что он выкупает все те страшные бедствия, какие он производит в человечестве, или признать, что патриотизм есть зло, которое не только не надо прививать и внушать людям, но от которого надо всеми силами стараться избавиться.

C'est à prendre ou à laisser, [франц. Хотите избавляйтесь, хотите не избавляйтесь] как говорят французы. Если патриотизм добро, то христианство,

дающее мир, — пустая мечта, и чем скорее искоренить это учение, тем лучше. Если же христианство действительно даёт мир и мы действительно хотим мира, то патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, как мы это делаем теперь, но который надо искоренять всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой. Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения; и англичанину радоваться тому же по отношению Ирландии, Австралии, Индии и других колоний и содействовать этому, потому что чем больше государство, тем злее и жесточе его патриотизм, тем на большем количестве страданий зиждется его могущество. И потому, если мы хотим действительно быть тем, что мы исповедуем, мы не только не должны, как теперь, желать увеличения своего государства, но желать уменьшения, ослабления его и всеми силами содействовать этому. И так и воспитывать молодые поколения. Должны воспитывать молодые поколения так, чтобы, как теперь стыдно молодому человеку проявлять свой грубый эгоизм, например, тем, чтобы съесть всё, не оставив другим, столкнуть слабейшего с дороги, чтобы самому пройти, отнять силою то, что нужно другому, — так же бы было стыдно желать увеличения могущества своего отечества; и так же, как считается глупым и смешным теперь восхваление самого себя, так же бы считалось [глупым] восхваление своего народа, как оно теперь производится в разных лживых отечественных

историях, картинах, памятниках, учебниках, статьях, стихах, проповедях и глупых народных гимнах. Но надо понимать, что до тех пор, пока мы будем восхвалять патриотизм и воспитывать его в молодых поколениях, у нас будут вооружения, губящие и физическую и духовную жизнь народов, будут и войны, ужасные, страшные войны, как те, к которым мы готовимся и в круг которых мы вводим теперь, развращая их своим патриотизмом, новых страшных бойцов Дальнего Востока.

Император Вильгельм, одно из самых комических лиц нашего времени, оратор, поэт, музыкант, драматург и живописец и, главное, патриот, нарисовал недавно картину, изображающую все народы Европы с мечами, стоящие на берегу моря и по указанию архангела Михаила смотрящие на сидящие вдалеке фигуры Будды и Конфуция. По намерению Вильгельма это должно означать то, что народы Европы должны соединиться, чтобы противостоять надвигающейся оттуда опасности. И он совершенно прав с своей отставшей на 1800 лет языческой, грубой, патриотической точкой зрения.

Европейские народы, забыв Христа во имя своего патриотизма, всё больше и больше раздражали и научали патриотизму и войне эти мирные народы и теперь раздражили их так, что действительно, если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро

научаются, как и показала Япония) и, будучи бесстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбежно очень скоро сделают из стран Европы, если только Европа не сумеет противопоставить чего-нибудь более сильного, чем оружие и выдумки Эдиссона, то, что страны Европы делают из Африки. «Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лука, VI, 40).

На вопрос одного царька: сколько и как прибавить войска, чтобы победить один южный не покорявшийся ему народец, — Конфуций отвечал: «уничтожь всё твоё войско, употреби то, что ты тратишь теперь на войско, на просвещение своего народа и на улучшение земледелия, и южный народец прогонит своего царька и без войны покорится твоей власти».

Так учил Конфуций, которого нам советуют бояться. Мы же, забыв учение Христа, отрёкшись от него, хотим покорить народы силою и этим только приготавливаем себе новых и более сильных врагов, чем наши соседи.

Один мой приятель, увидав картину Вильгельма, сказал: «Картина прекрасная. Только она означает совсем не то, что подписано. Она означает то, что архангел Михаил указывает всем правительствам Европы, изображённым в виде увешанных оружием разбойников, то, что погубит и уничтожит их, а именно: кротость Будды и разумность Конфуция». Он мог прибавить: «и смирение Лао-Тзе». И действительно, мы, благо-

даря своему лицемерию, до такой степени забыли Христа, вытравили из своей жизни всё христианское,

что учения Будды и Конфуция без сравнения стоят выше того зверского патриотизма, которым руководятся наши мнимо-христианские народы.

И потому спасение Европы и вообще христианского мира не в том, чтобы, как разбойники, обвешавшись мечами, как их изобразил Вильгельм, бросаться убивать своих братьев за морем, а, напротив, в том, чтобы отказаться от пережитка варварских времён — патриотизма и, отказавшись от него, снять оружие и показать восточным народам не пример дикого патриотизма и зверства, а пример братской жизни, которой мы научены Христом.

Москва. 5 января 1896.

Подготовка текста и предисловие – Романа Алтухова.
Ясная Поляна – Тулла, 3 мая 2016 г.

*****

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАРИАНТЫ статьи «ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР»

(По рукописям Л.Н. Толстого)

№ 1 (рук. № 1).

Solsbury на что[-то] не согласился, Клив[ленд] написал послание, и случилось всё, что вы знаете, и явилась возможность войны, <такая очевидная, что владельцы денег испугались> такая вероятность ее, что на биржах городов обоих государств потеряны

миллиарды, и принц, Гладстон, литераторы, епископы написали послания, и войны на этот раз как будто не будет.

Два гладиатора, воспитанные с детства на том, чтобы насмерть драться за победу, сошлись, смерили друг друга глазами и готовы были начать... но их развели, и все успокоилось. И я понимаю, что успокоились те, которые воспитывали гладиаторов и содержат их: они знают, что теперь эта борьба не нужна и отложили ее до другого раза. И они поступили разумно и благоразумно. Но не так поступают те, которые с точки зрения человечности, христианства участвовали в остановке этой борьбы, как это делали частные люди — литераторы, духовные лица, как это бы сделал я, если бы исполнил ваше желание и подал свой голос. Все честные люди, мы уговариваем эти два народа остановиться и не драться теперь, еще особенно потому, что эти два, говорящие на одном языке, родственные народа поступили бы нелепо, и те, которые писали, уговаривая стороны, делали — да простят они меня — сметную глупость. Ведь как гладиаторы воспитаны для драки, и если они разведены, то только на время, и завтра, послезавтра будут драться, может быть, еще хуже, чем бы подрались нынче. Все условия для того, чтобы они дрались, остались те же. То же и с народами Америки и Англии. Надо иметь слишком мало perspicacité,⁴ чтобы не видеть, что всё то, что ведет к войне, всегда готово — и не одна Венецуэла, а тысячи других причин могут произвести то же. Причина одна, известная: патриотизм. Люди воспитаны в том, что для англичан радостно, что Англия богаче, сильнее, для американцев то же относительно Америки. И пока это будет, будет война.

Мне случалось говорить про патриотизм, указывая на его несовместимость с христианством. И всегда я встречал один ответ. Патриотизм дурной — да, но есть хороший. В чем же хороший, никто не сказал. Как будто патриотизм так же, как и эгоизм, может быть хороший и согласный с человек[ностью] и христианством. Положим, нынче не будет войны и разведут бойцов, но разве не останутся те же войска, те же профессора, восхваляющие славу отечества, те же газеты. Прочтите газеты русские, английские, немецкие, разве это не постоянное натравливание одних на других. Если и встречается увещание к миру и дружбе, то только для того, чтобы быть сильнее против общего врага. При таком складе жизни не может быть мира. Латентная, скрытая война не перестает и не может не разразиться. Для того, чтобы не было войны, нужно не уговаривать English speaking nations⁵ быть в дружбе, а нужно уничтожить патриотизм, а чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего уничтожить фарисейство. Если бы люди говорили: я люблю только себя, свою семью или Англию и желаю гибели всего, только бы благоденствовали я и Англия, и еще бы то же говорили американцы, тогда бы можно было уничтожить зло войны, оно видно бы было, а теперь это скрытая болезнь, и лицемеры старательно скрывают ее. Скажите людям, что война дурно, они засмеются: кто же этого не знает? Скажите, что патриотизм дурно: о да, завоевательный патриотизм дурно. Но какой же хороший? Да вот тот, какого мы держимся. Как будто может быть какой-нибудь патриотизм, если не завоевательный, то удержательный. И вот пока это будет, пока зло будут выдавать за добро, будет война нынче, завтра и нельзя будет остановить ее. Для того,

чтобы не было войны, нужно прежде всего, чтобы всякий патриотизм был признан злом, постыдным делом, несовместимым с истинным просвещением и христианством. Только тогда возможно будет бороться с ним и воспитывать людей не в уважении к нему, не в желании славы, силы, богатства России, Англии, Америке, а в желании блага людям, в желании осуществления царства божия на земле. Не будет войны не тогда, когда мы будем говорить туманные фразы о каком-то безвредном и нравственном патриотизме, а когда будем понимать и так воспитаем молодое поколение, что стыдно будет желать блага своему народу предпочтительно перед другим, что как теперь мы считаем, что неприлично столкнуть с тротуара идущего человека, неприлично отнять у человека нужную ему вещь, а прилично уступить дорогу, дать то, что нужно, другому, так же мы будем считать неприличным желать англичанину Англии или американцу Америки больше Венецуэлы, и как теперь мы рады случаю лишиться себя и услужить другому, так мы будем рады в ущерб своей народности услужить другой.

* № 2 (рук. 3).

<Ослепление, в котором в наше время находятся народы, подобно тому, в котором бы находился человек, с усилиями бежавший к безопасному месту отдыха и не останавливающемуся у своей цели и бегущему дальше, представляется мне до такой степени неестественно, что, кажется, одного маленького напоминания достаточно для того, чтобы они прозрели и сбросили, наконец, с себя тот гнет предания зверства, под которым они страдают, и потому я, полагая, что голос всякого неослепленного человека может иметь значение,

охотно исполняю ваше желание и прошу вас напечатать это письмо, где вы найдете нужным.>

* № 3 (рук. 3).

<Причина военных опасностей нашего мира так очевидна и затмение, вследствие которого люди нашего времени, отыскивая средства избавления себя от войны, не видят того, что они сами производят ее, так странно, что «людям, видящим эту причину», нельзя не желать вывести людей из этого странного ослепления, и потому я охотно исполняю ваше желание и пишу письмо, которое прошу предать публичности, не переставая надеяться, что люди увидят же, наконец, то, что они сами делают то зло, от которого страдают.>

* № 4 (рук. 3).

<И что такое положение вечной войны будет продолжаться между этими людьми до тех пор, пока их мирозерцание не изменится, пока они будут считать, что увеличить свое могущество есть благо, желать такого увеличения и содействовать ему есть достоинство и добродетель.>

* № 5 (рук. 3).

<Так это было бы, если бы признали патриотизм тем, что он есть: дурным, низким чувством. А мы не можем не признать этого, если мы только на минуту оставим свой задор и спокойно и просто подумаем о том, что такое патриотизм и что мы проповедуем и прививаем молодым поколениям под этим именем. А как скоро мы признаем это, то уничтожится то ужасающее зло милитаризма, от которого мы все страдаем и от

которого мы ищем спасения везде, но только не там, где оно находится.>

* № 6 (рук. 4).

<Кто не слышал тех наивных детских ответов на вопрос, что они хотят из двух: волчок или куклу, — ехать кататься или оставаться и играть дома. То, очень сильно желая и того и другого, они обыкновенно отвечают: и волчок и куклу, и кататься и дома играть.

* № 76 (рук. 4).

И вот когда такие два разбойничьи соединения сталкиваются и показывают друг другу зубы и потом на время, по каким-нибудь опять-таки эгоистичным причинам расходятся не подравшись, наивные люди очень радуются и воображают, что они избавились от бедствий и ужасов войны. Но ведь при таком положении отношения государств между собой люди не могут никогда избавиться от бедствий войны.

Война латентная, скрытая не переставала и не перестает ни на минуту между всеми государствами, и при всяком глупом слове глупого человека, занимающего положения царя, министра, президента, может всякую минуту проявиться в сжатой форме, не переставая тлеющий огонь может вспыхнуть. Но вспыхнувший огонь ничуть не хуже тлеющего. Тлеющий огонь, если не потушить его, неизбежно опять вспыхнет. Если мы не хотим пожара, надо тушить огонь, уничтожить причину его, а не разбрасывать огонь, как это делают до сих пор. Положим, нынче не будет войны и разведут уже смеривших друг друга глазами и засучивающих рукава бойцов, но разве не останутся те же войска, те же

профессора, восхваляющие славу отечества, те же газеты.

Прочтите газету какого бы то ни было времени и какого бы то ни было народа, и в каждой вы наверное найдете рассуждения о том, как желательно увеличить могущество и благосостояние своего народа и как такое и такое-то государство мешает этому. Стоит почитать несколько времени газеты одного и того же народа, и невольно заражаешься политическими интересами, проповедуемыми газетой, радуешься увеличению богатства, границ своего государства и начинаешь обвинять и ненавидеть тех, которые ставят пределы этому увеличению. Разве это не постоянное натравливанье одних на других. Если и встречается увещанье к миру и дружбе, то только для того, чтобы быть сильнее против какого-либо другого врага.

* № 8 (рук. 4).

<Правда, больше становится людей, ненавидящих войну, общественное мнение начинает не так уж одобрять войну, как прежде, но если причины, производящие войну, останутся те же, при первом сильном столкновении голоса эти будут заглушены, и война будет.>

* № 9 (рук. 4).

<Как бы ни старались люди запутать словами сущность дела: патриотизм есть и не может быть не что иное, как предпочтение своей страны, своего народа, своего государства другим странам, народам и государствам.>

*№ 10 (рук. 4).

<Помню, как раз в компании пьющих студентов один из них, не пьющий, стал доказывать им неприличность их занятия и как на это один из пьющих встал и, подняв бокал, провозгласил тост за здоровье воздерживающихся, и как все захохотали и продолжали пить. Всем так хотелось продолжать попойку, что это самое нелогическое возражение было принято за убедительнейшее доказательство справедливости того, что надо было продолжать делать то, что им хотелось. И веселая попойка продолжалась.>

* № 11 (рук. 4).

<Честный ответ на этот вопрос должен иметь огромные последствия. Если бы случилось то, чего я не допускаю (со всех сторон обдумав этот вопрос и прочитав всё, что могло помочь его решению), чтобы было выяснено то, что патриотизм какой-то особенный (как стараются показать это его защитники) может быть благодетелем, то будет по крайней мере определено, какой патриотизм хороший и какой дурной; если же, как это и должно быть, выяснится, что хорошего патриотизма, как и хорошего эгоизма, быть не может, а что всякий патриотизм есть дурное чувство, которое не только не должно быть восхваляемо и не допускаемо, но должно быть старательно искореняемо, тогда должны измениться и все наших взрослых людей отношения к явлениям жизни и главное измениться воспитание, даваемое подрастающим поколениям. Если бы было ясно сознано то, что действительно есть, что патриотизм есть злое, губительное чувство, пережиток языческих времен, которому не только не следует предаваться, как не следует предаваться другим остаткам варварства, а всеми силами бороться с ним. Если бы это было

разъяснено, то было бы совсем другое, если бы люди понимали, что патриотическое чувство дурное, как русские, так и англичане, без всяких расчетов на увеличение России или Англии в ущерб Турции, помогли бы армянам и избавили бы их от страданий.

В венецуэльском вопросе, например, если бы было ясно, что патриотическое чувство дурное, всякий англичанин и правительство не только не настаивало бы на известных границах, не грозило бы войной, а спросило бы у народа, живущего>7

*№ 12 (рук. 4).

<И потому еще раз умоляю всех добрых и честных людей, держащихся патриотизма и проповедующих патриотизм, серьезно ответить на этот вопрос. Ответ на этот вопрос имеет огромную важность. Если бы случилось, чего я не могу допустить, что, несмотря на то, что я, со всех сторон внимательно обсуживая этот вопрос, просмотрел законность и благодетельность патриотизма в наше время, и будет найдено, что патриотизм бывает полезный, такой (как это говорят некоторые), который содействует каждому народу, сложившемуся в отдельную совокупность, выразить свойственные каждому народу типические черты, проявление которых нужно для прогресса и блага человечества, то последствия такого определения патриотизма будут те, что мы, члены больших государств, не только перестанем желать присоединять к себе новые народности и государства, а будем радоваться, когда покоренные народы будут от нас освобождаться, и будем содействовать этому, и так будем воспитывать молодые поколения; русские будут содействовать освобождению Польши, Финляндии,

Остзейского края, Армении; англичане — Ирландии, Австралии, Индии и т. п., и так будем воспитывать свои молодые поколения. Если же ответ на вопрос о том, в чем состоит в наше время законность, благодетельность патриотизма, будет состоять в признании его всегдашней незаконности и неблагодетельности, как это и должно быть, то наши отношения к другим государствам и народам еще больше изменятся. Если мы искренно признаем, что патриотизм дурно, то мы не только не будем огорчаться тем, что не мы присоединили к себе Армению, Константинополь, Венецуэлу, Трансвааль, но будем искренно радоваться всякому уменьшению могущества своего государства, тому, что от нас отошла Польша, Ирландия, Чехия, что мы перестали участвовать в грехе насилия. Если бы мы признали патриотизм дурным чувством, таким, каким мы признали эгоизм, мы бы стыдились всякого проявления его.>